

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ
«ОРЕНБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Факультет филологии
Кафедра английской филологии и методики преподавания
английского языка

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

45.03.01 – Филология

**Прагмалингвистические характеристики речи
маргинальных персонажей в англоязычной литературе
XX века**

ОГУ 45.03.01. 1320. 071 00

Заведующий
А.В. Павлова
канд. фил.наук, доцент

кафедрой

Научный
О.А. Хрущева
канд. фил.наук, доцент

руководитель

Студент
Р.Э. Исламова

Оренбург 2020

Утверждаю
заведующий кафедрой
АФМПЯ

В.Л. Темкина

« ___ » _____ 2019 г.

ЗАДАНИЕ

на выполнение выпускной квалификационной работы

студенту Исламовой Рилиане
Эдуардовне

по направлению подготовки (специальности)
45.03.01 Филология

1 Тема ВКР «Прагмалингвистические характеристики речи маргинальных персонажей в англоязычной литературе XX века»

2 Срок сдачи студентом ВКР « ___ » _____ 2020 г.

3 Цель и задачи ВКР выявление особенностей речи маргинальных персонажей и определение их обусловленности с точки зрения прагмалингвистики

4 Исходные данные к ВКР научные идеи и концепции, представленные в трудах С.П. Гурина, Л.Д. Бевзенко, И.П. Поповой, Е.С. Воробьевой, Т.А. Пономаревой, Ю.В. Подковырниной, Н.В. Рыжовой, Е.Н. Калугиной, О.Б. Ермоловой, Е.М. Хакимовой и др.

5 Перечень вопросов, подлежащих разработке: 1) провести анализ научной литературы по избранной теме; 2) дать определение понятию «маргинальный персонаж»; 3) привести классификацию маргинальных персонажей и описать особенности их отображения в литературе; 4) провести анализ текста оригинальных произведений на предмет речи маргинальных персонажей; 5) изучить речь данных персонажей с точки зрения ее фонетики, лексики, синтаксиса и прагматики.

6 Перечень графического (иллюстративного) материала нет

Дата выдачи и получения задания

Руководитель ВКР « ____ » _____ 2019 г. _____
О.А. Хрущева

Студент « ____ » _____ 2019 г. _____ Р.Э. Исламова
_____

Аннотация

Данная выпускная квалификационная работа посвящена исследованию прагмалингвистических характеристик речи маргинальных персонажей в англоязычных художественных произведениях.

В работе рассматривается сущностная характеристика маргинальности и маргинального персонажа, а также исследуются особенности отображения маргинальных персонажей в художественных произведениях.

В работе также описываются особенности фонетики, лексики и синтаксиса речи маргинальных персонажей, их практическая обусловленность. Автор изучает данную тему на примере произведений Ирвина Уэлша «Trainspotting», «Filth».

Работа состоит из введения, 2 глав и заключения.

Исследование было выполнено на 30 страницах текста с использованием 30 источников.

Annotation

The given research is dedicated to the analysis of the pragmalinguistic characteristics of marginal characters' speech in English literature.

The characteristics of marginal people and marginal characters are considered in the given paper, as well as the peculiarities of the image of marginal characters in literature.

The phonetic, lexical and syntactic features of marginal characters' speech, its practicality are described in the work. The author explores those features by analyzing the texts of Irwin Welsh's «Trainspotting», «Filth».

The work consists of the introduction, 2 chapters and the conclusion.

The research has been conducted on 30 pages using 30 sources.

Содержание

Введение.....	6
1 Маргинальные персонажи в произведениях художественной литературы.....	9
1.1 Определение понятий «маргинальность» и «маргинальный персонаж».....	9
1.2 Классификация маргинальных персонажей.....	11
1.3 Типологические черты маргинальных персонажей.....	13
1.3.1 Особенности внешности.....	13
1.3.2 Особенности поведения.....	15
1.3.3 Особенности речи.....	17
2 Специфика речи маргинальных персонажей в произведениях И. Уэлша “Trainspotting”, “Filth”.....	21
2.1 Фонетические особенности.....	21
2.2 Лексические особенности.....	23
2.3 Синтаксические черты.....	27
2.4 Прагматическая направленность.....	30
Заключение.....	35
Список использованных источников.....	37

Введение

«Люди – существа социальные». Эта фраза, известная каждому, отражает главное свойство человеческой природы – наше стремление быть в социуме, общаться и взаимодействовать с себе подобными. Мы живем в обществе, где все основано на сотрудничестве, где каждый – часть более великой и сложной системы. Возможно, именно поэтому на протяжении всего существования общества людей интересовала тема «изгоев», «отщепенцев» – другими словами, всех, кто отрицает общепринятые нормы поведения и предпочитает жить, руководствуясь своими личными ценностями.

Таких людей принято называть «маргиналами» или «маргинальными личностями», так как «маргинальность (от латинского *margo* – граница, грань, край, *marginalis* – находящийся на краю) – это понятие, традиционно используемое в социальной философии и социологии для анализа пограничного положения личности или группы по отношению к какой-либо социальной общности» [6]. Приведенное определение, данное в работе С.П. Гурина, делает особый упор на социальном статусе личности, который в большинстве случаев весьма низкий, а также принадлежности личности к группе, ведущей образ жизни и исповедующей ценности, разительно отличающиеся от общепринятой нормы.

Исторически сложилось, что термин «маргинальность» приобрел негативную коннотацию и на данный момент ассоциируется с образом деклассированных элементов, «опустившихся» людей. Тем не менее, этот образ представляет большой интерес с точки зрения обычного человека, так как весьма отличается от привычного ему стиля жизни. Реагируя на данную тенденцию, писатели по всему миру создавали и создают работы, в которых поднимается проблема маргинальности и, в частности, освещаются аспекты жизни маргинальных личностей. Таковыми произведениями являются и романы И. Уэлша «*Trainspotting*» и «*Filth*».

Вскоре, из-за массовой популярности данного феномена, в литературоведении был принят особый термин, характеризующий литературные образы людей, ведущих маргинальный образ жизни, а именно «маргинальных персонажей». В современной науке этот термин употребляется весьма широко, однако, мы считаем, что способы отображения маргинальных персонажей изучены недостаточно подробно.

Так, в своей работе мы останавливаемся на одном из аспектов построения образа маргинального персонажа – речи. Речь героев раскрывает их характер, помогает понять авторское отношение к ним, а также показывает языковые черты, присущие данному социальному классу и даже географической местности. В данном исследовании мы рассмотрим характерные особенности речи маргинальных персонажей – ее фонетическую, лексическую, синтаксическую специфику, а также прагматическую направленность.

Таким образом, актуальность нашей темы исследования основывается на извечной заинтересованности широкой публики в образах маргинальных персонажей, а также на недостаточной изученности вопроса прагматического потенциала и лингвистической специфики их речи.

Объектом данной работы является отображение маргинальных персонажей в литературе.

Предметом изучения являются прагмалингвистические особенности речи маргинальных персонажей в англоязычных произведениях XX века.

Источником материала для анализа послужили романы знаменитого и современного нам шотландского писателя И. Уэлша «Trainspotting» (в русскоязычной адаптации – «На игле») и «Filth» («Грязь»). В своих работах И. Уэлш описывает повседневную жизнь и моральные взгляды деклассированных элементов Шотландии, поднимает проблему вредных привычек и зависимости. В частности, в романе «На игле» главными героями являются люди, опустившиеся на социальное дно из-за героиновой зависимости. В «Грязи» читатель знакомится с полицейским Брюсом Робертсоном, который, хотя и не принадлежит к низшим социальным слоям, является маргинальным персонажем в силу своих аморальных действий и убеждений.

Цель данной работы – выявление особенностей речи маргинальных персонажей и определение их обусловленности с точки зрения прагмалингвистики.

Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи:

- 1) провести анализ научной литературы по избранной теме;
- 2) дать определение понятию «маргинальный персонаж»;
- 3) привести классификацию маргинальных персонажей и описать особенности их отображения в литературе;
- 4) провести анализ текста оригинальных произведений на предмет речи маргинальных персонажей;

5) изучить речь данных персонажей с точки зрения ее фонетики, лексики, синтаксиса и прагматики.

Методы исследования включают в себя анализ научной литературы, метод сплошной выборки, метод количественных подсчетов, метод лингвистического описания данных с элементами экстралингвистической интерпретации фактов языка и контекстуального анализа.

Теоретической базой нашей работы выступают исследования по сущности маргинального поведения (С.П. Гурин, Л.Д. Бевзенко, И.П. Попова и др.), его отображения в литературе (Е.С. Воробьева, Т.А. Пономарева, Ю.В. Подковырнин и др.). Также используются работы, исследующие различные аспекты языка (Н.В. Рыжова, Е.Н. Калугина и др.) и посвященные прагмалингвистике (О.Б. Ермолова, Е.М. Хакимова).

Структура работы стандартная: включает введение, две главы, заключение и библиографический список.

Так, в первой главе мы дадим определение понятия «маргинальный персонаж», классификации героев названного типа и типологические черты, а также особенности их поведения, речи и внешности. Во второй главе будет подробно рассмотрена речь таких персонажей на примере героев романа И. Уэлша «Trainspotting» («На игле») и «Filth» («Грязь»), ее фонетические, лексические и синтаксические черты, прагматическая направленность.

1 Маргинальные персонажи в произведениях художественной литературы

1.1 Определение понятий «маргинальность» и «маргинальный персонаж»

Интерес к проблеме маргинальности и маргинальной личности проявился в ряде гуманитарных наук уже в XX–XXI веке. Первоначально он нашел отражение в психологии, социологии и социальной философии, где на тот момент уже был накоплен достаточный опыт для осмысления данной проблемы. В литературоведение понятие «маргинальности» пришло позже, с основанием на уже существующих примерах из социологии. Поэтому, чтобы понять, что из себя представляет литературный «маргинальный персонаж», стоит сначала изучить, какими особенностями обладает настоящая маргинальная личность.

Термин «маргинальность» был изобретен в 1928 году американским социологом Робертом Парком, описавшим его в эссе «Человеческая миграция и маргинальный человек» как «положение индивидов, находящихся на границе двух различных, конфликтующих между собой культур». Этот термин был необходим «для изучения последствий неадаптированности мигрантов, особенностей положения мулатов и других "культурных гибридов"» [26]. В другой своей работе, «Раса и культура» 1950 г., Р. Парк отмечал, что «в случае маргинального человека период кризиса относительно непрерывный. В результате он имеет тенденцию превращаться в тип личности, ... который появляется в то время и том месте, где из конфликта рас и культур начинают появляться новые сообщества, народы, культуры» [26]. Он также писал, что такие люди обречены существовать «в двух мирах одновременно; это вынуждает их принять в отношении обоих миров роль космополита и чужака. Такой человек неизбежно становится (в сравнении с непосредственно окружающей его культурной средой) индивидом с более широким горизонтом, более утонченным интеллектом, более независимыми и рациональными взглядами» [26]. По его мнению, маргинал является более цивилизованной личностью.

Эверетт Стоунквист продолжил исследования Р. Парка в своем монографическом исследовании «Маргинальный человек». Однако, в отличие от Р. Парка, Э. Стоунквист делал

большой акцент на психологических аспектах маргинальности. Центром его научного интереса являлись внутренние переживания таких личностей в процессе преобразования двух культур и создания из них чего-то уникального. В то время как Р. Парк рассматривал маргинальную личность как человека, находящегося на пересечении двух культур, и полагал, что принятие им новой культуры невозможно, Э. Стоунквист придерживался мнения, что, адаптируясь, такой человек приобретает новую личность [26].

Как можно заметить, оба вышеуказанных ученых рассматривают маргинальность как проблему принятия чужой культуры. Тем не менее, понятие маргинальности весьма широко и определение, которое более близко нашей теме, подробно раскрывается в отечественной науке.

Так, как уже было упомянуто, С.П. Гурин в своей монографии «Маргинальная антропология» дает определение понятию маргинальности и изучает философскую проблему «пограничности сознания человека». Он также отмечает, что «понятие маргинальности приобретает как социальное, так и гносеологическое, и онтологическое значение и может быть отнесено не только к низшим социальным слоям, но и к любым меньшинствам (социальным, национальным, сексуальным, творческим), в том числе и к элите» [6]. Ученый акцентирует внимание на том, что употребление термина маргинальности подчеркивает «сложность внутреннего устройства бытия, нетривиальность его структуры и топологии, многомерность и нелинейность онтологических и антропологических пространств, особое значение динамических и энергетических характеристик бытия человека» [6]. Поэтому главной особенностью маргинальности является ее пограничность, переходность из одного состояния в другое.

Соответственно, человек, приобретая эти черты, становится маргинальной личностью. Таким образом, маргинальная личность в социологии, по мнению С.В. Пирогова, это – «личность, утратившая и\или отвергнувшая прежнее социальное положение и\или нормы поведения и не принявшая новые» [14]. Т.Ф. Ефремова предлагает немного иную трактовку этого определения: «тот, кто утратил прежние социальные связи, находится на периферии своей социальной среды, не приспособился к новым условиям жизни и не имеет устойчивого социального статуса; изгой» [9]. Оба автора отмечают социальный аспект маргинальности, что в большей степени отвечает теме нашего исследования.

В литературоведении это понятие приобрело новое значение, когда было принято решение классифицировать и обозначить проявление феномена маргинальности в литературе. Е.С. Воробьева считает, что, будучи личностью, маргинал оказался «в поле зрения русской литературы в середине XVIII века» [5, с.92]. Таким персонажем является Ванька Каин – вор и разбойник, живший в XVIII веке и ставший популярным героем маргинальной литературы того времени, в частности, главным героем нескольких повестей писателя Матвея Комарова [4, с.5]. В XIX–XX веках русская литература видит возвращение маргинального героя: «натуральная школа» XIX века, начало XX века. На данный момент в обществе и литературе до сих пор присутствует некий интерес к таким героям, хотя он заметно ниже, чем в 1970-х годах, «в эпоху оформления русского литературного андеграунда» [4, с.5].

Итак, мы можем видеть, что литературе, как отражению реальности и настоящего положения вещей в обществе, не чужд образ маргинальной личности. Для ее описания, а также для раскрытия такого героя писатели используют образ маргинала, а точнее маргинального персонажа.

Так кто же такой «маргинальный персонаж»? В данном исследовании мы пользуемся рабочим определением, сформулированным на основе вышеуказанных работ. Итак, в нашем понимании, маргинальный персонаж – это литературный образ человека, находящегося на границе общества и/или собственного сознания. Данное состояние в большинстве случаев обуславливается социальной неудовлетворенностью и отличием героя от большинства людей; такое недовольство сопровождается рядом особенностей, среди которых, помимо индивидуальных черт характера, можно проследить характеристики, присущие всем маргинальным персонажам.

1.2 Классификация маргинальных персонажей

В силу того, что маргинальность – явление многогранное и достаточно обширное, принято условно классифицировать различные виды маргинальности, а также маргинальных личностей.

Американский социолог Д. Рисмен в своей работе «Some Observations Concerning Marginality» раскрывает два типа маргинальности – «открытый» и «закрытый». Опираясь на работы Р. Парка, ученый трактует маргинальность как особенность внутреннего мира индивида, подверженного, тем

не менее, его социальному статусу. «Открытый» тип, по мнению Д. Рисмена, встречается наиболее часто и поэтому очень явно обозначен в обществе. В качестве примеров этого типа маргинальности он приводит женщину-инженера, «образованного негра», а также человека, добившегося всего в одиночку [28, с.113-114]. Такая маргинальность, подчеркивает ученый, является своеобразным вызовом, протестом по отношению к обществу. Она же становится основой для возникновения другого, «закрытого» типа маргинальности. Социальное положение таких людей соответствует первому типу, их состояние бросает вызов обществу, однако, главное отличие их в том, что это положение вынуждено. Маргиналы «закрытого» типа не получают удовольствия от осознания своей пограничности, они не чувствуют свою принадлежность к «протесту», что причиняет им еще больший внутренний дискомфорт. В своей работе Д. Рисмен приводит множество примеров такой маргинальности, одним из которых является роман Стивена Спендера «The Backward Son». В этом произведении автор показывает, как его герой испытывает дискомфорт от обучения в частной школе, где он оказывается намного сообразительней, чувствительней и живей остальных детей. Однако, такая одаренность мальчика вызывает не восхищение, а отторжение его обществом, что заставляет ребенка чувствовать себя, наоборот, отсталым [28, с.115].

В отечественной социологии ученые дифференцируют маргинальность, основываясь на иных, более социальных причинах ее появления. Так, Л.Д. Бевзенко предлагает следующую классификацию:

1) культурная маргинальность, в чьей основе лежит «взаимодействие двух ценностно-нормативных систем культур, которые нередко конфликтуют между собой»;

2) маргинальность социальной роли, возникающая «в случае неудачной попытки вхождения в положительную референтную группу; членство в группах, определяемых как маргинальные (некоторые профессиональные группы, например, целители); пребывание в роли, которая находится между двумя смежными ролями, социальных группах, функционирующих за пределами социальной организации (например, цыгане, бездомные и т.д.)»;

3) структурная маргинальность – процесс, когда социальные группы, потерявшие свои права находятся в «худших условиях, вследствие политического, экономического и социального неравенства» [3, с.171].

Следуя данной классификации, Е.С. Воробьева выделяет три подтипа маргинального персонажа в русской прозе последней трети XX-начала XXI веков. Первым она называет героя-эмигранта, который является выразителем культурной маргинальности, чьей главной целью является сохранить самоценность своей личности в чужой культуре. Следующим идет «деклассированный герой-люмпен, живущий случайными заработками, не имеющий никаких социальных корней и отличающийся нравственными установками», отражающий структурную маргинальность [4, с.3-4]. Маргинальность социальной роли выражается посредством героя-бунтаря, борца с политической системой.

Так, Е.С. Воробьева показывает «героя-эмигранта» на примере «Иностранки» С. Довлатова, где автор с иронией отображает эмигрантское существование. Она отмечает, что персонажи произведения «явственно ощущают своё маргинальное положение: прежние связи с родиной утрачены, а новые никак не налаживаются» [4, с.12]. Они замкнуты, ведут закрытый образ жизни в своем маленьком мирке, пытаются создать остров «советского мира». Они стремятся, с одной стороны, сохранить свою личность как носители одной культуры, но с другой – стараются прижиться в новой среде, при этом интуитивно держась вместе, помогая друг другу. Маргинальность этих героев не заставляет их впадать в уныние, так как они не одиноки. Они стремятся выжить в новых условиях, не озлобившись, но скучая по родине. Чувствуя свою «непохожесть», эти люди строят свой собственный мир внутри другого, защищая и сохраняя все, что им дорого, при этом находясь на границе двух реальностей – своей и чужой.

Примером маргинала-бунтаря, носителя структурной маргинальности, Е.С. Воробьева выбирает главного героя повести «Ура!» С. Шаргунова. Уражцев Павел «ищет внутри себя оправдание бунту, противостоянию существующему мироустройству» [4, с.15]. Шаргунов описывает грехи, захватившие современность, и страстное стремление героя их преодолеть. Е.С. Воробьева отмечает, что перемены в герое «внезапны, как вспышка, он словно вмиг прозрел» [4, с.15]. Это дает начало для больших внутренних изменений, которые повлияют на окружающий персонажа мир, так как в их пространстве всё зависит друг от друга. Внутренний мир и внутренние убеждения героя стремятся наружу, «завоеывая вселенную», осознавая свою мощь и влияние на мир. Главной чертой такого маргинального борца Е.С. Воробьева считает «не

стремление к самосохранению ценностей своего внутреннего бытия в условиях аморального и агрессивного в своих устремлениях мира, а, напротив, желание завоевать, обуздать мир, где господствует порок и навязать ему нравственные принципы своего внутреннего бытия» [4, с.15].

Последним типом маргинального персонажа, согласно вышеприведенной классификации, является маргинал в классическом понимании этого слова – герой, опустившийся на социальное дно и ведущий низменный образ жизни. Таким предстает перед читателем главный персонаж поэмы В.В. Ерофеева «Москва – Петушки». В центре внимания писателя – Веничка, «откровенно люмпенизированный человек, но при этом с высокими духовными установками» [8]. Как было указано выше, этот персонаж отвергает общепринятый устой жизни, погрязнув в алкогольной зависимости, живет по своим собственным моральным установкам. Его попытка уйти от социума, профессии, семьи, даже отрицание постоянного места жительства – это отражение его стремления обрести свободу в чистом смысле этого слова. Веничка хочет свободы «духа человеком, страдающим от неправильно устроенного мира, и потому живущим на пределе сил и возможностей» [5]. Поэтому герой использует пьянство как способ забыться и уйти от суровой реальности, не отвечающей его, по сути, утопичным и идеализированным взглядам.

Таким образом, в зависимости от причины проявления маргинальности и ее социальных и психологических особенностей, существует три вида маргинальных персонажей – «герой-эмигрант», «герой-люмпен», «герой-бунтарь». Каждый из них обладает особой мотивацией, а также уникальными обстоятельствами, вынудившими их отвергнуть обычный образ жизни и «переместиться на границу».

1.3 Типологические черты маргинальных персонажей

Как уже было установлено, существует три типа маргинальных персонажей. Все они обладают присущими только им особенностями, которые составляют основу для построения образа того или иного маргинала, – это особенности внешности, поведения и речи. В данной работе мы более подробно остановимся на раскрытии отличительных черт второго типа маргинального героя – «героя-люмпена», так как именно этот вид маргинального персонажа представляет для нас наибольший интерес.

1.3.1 Особенности внешности

Одним из главных способов создания образа персонажа является описание его внешности. Она является одним из моментов авторской художественной оценки персонажа произведения. Внешность невозможно отделить от ценностно-смысловой структуры работы, так как акцент на внешне-материальной стороне человека и ее соответствие (или несоответствие) внутреннему миру героя, а также подчеркивание ее отдельных черт – все это имеет особый смысл и является результатом осознанного выбора автора. Внешность зачастую является способом самовыражения героя и отображения его внутренних переживаний.

Однако, в случае передачи образа маргинальных персонажей, различные авторы придерживаются противоположных точек зрения в вопросе описания внешности. Большинство писателей, затрагивающих в своих произведениях проблему маргинальности, опускают особенности наружности своих персонажей, позволяя читателю самому додумать, как именно выглядят герои. Так, в частности, поступает М. Горький в пьесе «На дне» и В. Ерофеев в романе «Москва – Петушки». В других же произведениях читатели обнаруживают яркое описание внешнего облика маргинальных персонажей, где главной особенностью является подчеркнутая необычность их одежды и явное несоответствие наружности персонажа окружающей его действительности.

Примером, иллюстрирующим вторую точку зрения, является роман «Двенадцать стульев», в котором авторы И. Ильф и Е. Петров используют неординарную внешность главных героев, дабы привлечь внимание к их непохожести на окружающих и к отвержению ими общепринятых ценностей. Воробьянинов носит «довоенные штучные брюки», «пенсне», «лунный жилет». «Герой словно выпадает из времени, до конца романа он останется в «лунном жилете, осыпанном мелкой серебряной звездой» – это жесткая, неизменная оболочка, утратившая живую связь с изменяющимся миром» [15, с.191]. Его «выпадение из времени» соответствует такому же выпадению из культуры. В дальнейшем развитии романа этот персонаж красит волосы, усугубляя разрыв между собой и обществом, обостряя его. Такую же «необычность» можно наблюдать в описании другого героя – Остапа Бендера. Он протестует по-своему, отвергая так называемый «интимно-домашний слой одежды», нижнее белье. У него нет носков под

апельсиновыми штиблетами, а также авторы отмечают, что «под ковбойкой» Остапа «не было уже больше ничего» [15. с.196]. Внешность этих героев служит способом выделиться из окружающего их мира; с ее помощью персонажи намеренно отделяют себя от обычного, привычного обывателю образа жизни.

Помимо яркого, выделяющегося внешнего облика, маргинальный герой зачастую характеризуется неопрятным, неряшливым видом. Так, в «Записках из подполья» Ф.М. Достоевского главный герой описывает себя следующими словами: «Взбудораженное лицо мое мне показалось до крайности отвратительным: бледное, злое, подлое, с лохматыми волосами» [23, с.64]. Однако, как отмечает Н.Ю. Честнова, в данном произведении читатель не видит конкретной внешности героя, «лишь выражение лица, гримасу» [23, с.64]. Герой, описывающий себя, намеренно опускает подробности своей наружности, фокусируясь только на внутренних переживаниях и уделяя внимание внешности лишь других людей. Соответственно, в случае отображения внешнего облика маргинальной личности, мы можем говорить о крайне субъективном восприятии собственной внешности. Н.Ю. Честнова подчеркивает, что данная особенность может быть следствием психологической установки героя, стремящегося не фокусироваться на внешних чертах своего лица и тела [23, с.65]. Такое поведение может проявляться в силу чувства отвращения от вида своей внешности, что является прямым последствием неприятия персонажем маргинальности своей личности. В противовес такому яркому отторжению своего облика, мы видим яркое и позитивно-окрашенное описание героем другого человека, Лизы («Передо мной мелькнуло свежее, молодое, несколько бледное лицо, с прямыми темными бровями, с серьезным и как бы несколько удивленным взглядом... она не могла назваться красавицей, хоть и была высокого роста, сильна, хорошо сложена. Одеята чрезвычайно просто») [23, с.64-65]. Такой четкий портрет ярко контрастирует с собственным описанием героя, что дает еще один повод полагать, что искаженное восприятие своего внешнего облика имеет психологическое начало.

Таким образом, говоря о внешности маргинального персонажа, мы можем выявить ряд особенностей, выделяющих его среди остальных героев произведения. Зачастую такого героя отличает подчеркнутая вычурность одежды и внешности, идущая вразрез с общепринятыми нормами и правилами. В этом случае маргинал бросает вызов обществу не только своим

положением в нем, он стремится углубить пропасть между собой и окружающими с помощью необычности своего внешнего облика. В частности, маргинальный персонаж может быть неопрятен и неухожен. Помимо этого, описание внешности маргинальной личности может вообще отсутствовать в произведении, если автор решает опустить этот момент и позволить читателю самому додумать облик героя. В таком случае большую роль приобретает психологическая характеристика героя и описание его поведения.

1.3.2 Особенности поведения

Поведение героя, наряду с описанием его внешности, является еще одним способом характеристики героя. С его помощью автор отражает внутренние переживания персонажа, его желания и сомнения. В случае индивида-маргинала значительную роль играет описание двойственности натуры героя, его неопределенности – того, что обуславливает саму суть маргинальности. В виду этого, описание поведения маргинального персонажа становится весьма сложным и многогранным процессом, чему также способствуют разнообразие и противоречивость особенностей его поведения.

С точки зрения психологии, маргинальные личности обладают следующими чертами: «сомнение в своей личной ценности, ощущение бессмысленности жизни, одиночество, отчужденность, тревожность, отчаяние» [18, с.149]. Как отмечает И.А. Романов, литература фиксирует это состояние маргинальности, не предлагая, тем не менее, каких-либо возможных вариантов сбежать от нее [18, с.149]. Утерев связь с обществом и не найдя новых идеалов, человек обречен на существование в некоем «пограничном положении», что вызывает у него ощущение потерянности, неопределенности. Остается лишь двигаться наугад, без четкого плана, надеясь на лучший исход. Такое движение вслепую способно спровоцировать как отчаяние героя и потерю им всякой надежды, так и обретение истинной свободы. Другими словами, отторжение маргинальной личностью общепринятого уклада жизни имеет как положительный, так и разрушительный потенциал для данного индивида.

Чувство безысходности и тщетности бытия преследует Веничку, героя произведения «Москва – Петушки». Как подчеркивает Е.С. Воробьева, автор дает ему полную свободу действий: «Все идет как следует. Если хочешь идти налево, Веничка, иди налево, я тебя не принуждаю ни к чему. Если

хочешь идти направо — иди направо» [8]. Однако, это заявление оказывается весьма парадоксальным, так как воля героя ограничена рамками Курского вокзала, являющегося всем его миром: «Если даже ты пойдешь налево - попадешь на Курский вокзал; если прямо - все равно на Курский вокзал; если направо - все равно на Курский вокзал. Поэтому иди направо, чтобы уж наверняка туда попасть. О, тщета!» [8]. Ограничивая свободу выбора своего героя, В. Ерофеев не только не позволяет тому найти свой собственный путь, он также акцентирует внимание читателя на том факте, что для Венички уже все заранее предрешено. Желание героя самому выбрать свою судьбу не имеет значения, так как это просто невозможно.

Социологи также полагают, что маргинальные личности с наибольшей вероятностью способны чувствовать тревожность и социальную незащищенность, так как находятся в неопределенном положении и чувствуют свою чужеродность по отношению к остальной группе. В дальнейшем они все больше осознают свое отличие от других членов группы, что порождает неуверенность в себе, и даже ненависть к собственному «Я».

Обращаясь к уже упомянутому произведению Ф.М. Достоевского «Записки из подполья», мы можем отметить намеренно карикатурное изображение героем своей внешности. Как подчеркивает В. Бромберт, подпольный сравнивает себя с горбуном, карликом, не столько отражая свои физические недостатки, сколько выделяя свою моральную неполноценность [27, с.32]. В. Бромберт также предлагает весьма интересную, на наш взгляд, трактовку такого уничижительного поведения персонажа. Ученый отмечает, что герой получает странное удовольствие от осознания своего уродства [27, с.32]. Это почти болезненное стремление казаться все более отвратительным в своих глазах, а также в глазах других людей обусловлено желанием персонажа как можно сильнее отделиться от общества, отрезать себя от большинства. Такой парадокс самостоятельного усугубления итак не самого лучшего положения так же можно назвать характерным для маргинальной личности.

Еще одной особенностью поведения маргинальной личности является склонность к ослаблению прежних социальных связей, трудовой мотивации и морали, а также к отказу от привычных норм поведения, что наиболее заметно среди маргиналов, не имеющих постоянной занятости, а также безработных.

Характерным примером такого маргинального поведения может послужить герой произведений И. Ильфа и Е. Петрова Остап Бендер. Ю.В. Подковырнин отмечает, что образ этого персонажа стоит рассматривать «в контексте представлений о плутовском типе персонажа» [15, с.190]. Безработный Остап живет на средства, которые он получает, пользуясь своими манипуляторскими способностями и природной харизмой. Воспользовавшись людьми и получив с них свою выгоду, он прерывает общение и любые связи с ними. Налицо подчеркнуто «масочный» характер его поведения, неискренность и «претензия на определенное положение в бытии» [15, с.190-191].

Ослабление связи с другими людьми также отчетливо показано на примере «Елтышевых» Р. Сенчина. По мнению Т.А. Пономаревой, «жители деревни, коренные и «понаехавшие», превращаются в люмпенизированных маргиналов» из-за того, что их семья распадается, а та культурная и социальная среда, чьи ценности и идеалы смогли бы помочь им спастись и заново обрести себя, пропала [16, с.278]. Роман точно отображает процесс «нисходящей маргинализации» людей и социальных групп, еще не отторгнутых обществом, но потерявших свои социальные статусы, условия жизни, а также прежнюю систему ценностей.

Таким образом, описание поведения маргинального персонажа играет ключевую роль в создании его образа. В зависимости от индивидуальных особенностей героя, он может обладать следующими свойствами маргинальности: обостренным самосознанием, что может выразиться в ненависти к себе, а также отстраненностью и отчужденностью от других людей, вследствие чего может проявиться замкнутость и внутренняя противоречивость. Некоторые герои склонны к проявлению асоциального поведения – мошенничества, манипуляции. Маргинальность в целом способствует появлению чувства беспокойства и неопределенности, развивает в персонаже чувство бессилия и предопределенности его судьбы.

1.3.3 Особенности речи

Помимо описания внешности и поведения персонажа, еще одним способом характеристики героя является его речь. Лингвисты и литературоведы придают большое значение речевой характеристике персонажа, справедливо полагая, что речь героя напрямую зависит от его психологических качеств,

социального и географического окружения, уровня образования и культуры и так далее. По определению, данному в «Терминологическом словаре-тезаурусе по литературоведению», речевая характеристика – это «составляющая характеристики героя или персонажа; включает в себя его манеру говорить, излюбленные интонации и словечки, обороты речи, словарный запас, то есть складывается из самой речи героя и из описания ее особенностей автором» [19].

Как мы уже выяснили, маргинальность человека – весьма сложный и парадоксальный феномен, который представляет трудность для понимания не только для стороннего наблюдателя, сколько и для самого маргинала. Поэтому зачастую писатели, раскрывающие в своих произведениях эту тему, позволяют говорить о ней самим персонажам, предоставляя им свободу самовыражения, сужая повествование до автобиографии, автопортрета. Так, к примеру, написаны уже упомянутые «Записки из подполья» Ф.М. Достоевского, «Ура» С. Шаргунова, «Москва – Петушки» В. Ерофеева и другие. Используя «автопортрет», авторы добиваются некой искренности, интимности рассказа. В таком случае принято говорить об «исповедальности» повествования, так как маргинальные персонажи обладают яркими способностями к саморефлексии и потребности высказаться. При этом, как отмечает М.М. Бахтин, «самоотчет-исповедь» не требует присутствия другого человека, он исходит от самого героя и направлен на него же. «Чистое ценностное одинокое отношение к себе самому – таков предел, к которому стремится самоотчет-исповедь, преодолевая все трансгредивные моменты оправдания и оценки, возможные в сознании других людей...» [2, с.132]. Мы полагаем, что такой подход к описанию персонажа помогает сократить дистанцию между читателем и персонажем произведения, и, соответственно, между читателем и автором. Обнажая душу своего персонажа в исповеди, которая, фактически, не должна быть чем-то публичным, но свидетелем которой, однако, становится читатель, писатель подчеркивает незащищенность персонажа и показывает все его мысли и внутренние переживания во всей их неприкрытой откровенности.

Речь маргинального персонажа также нередко сопровождается своеобразной «отчужденностью» от самого персонажа. Ю.В. Подковырнин предполагает, что причиной тому может служить «противопоставление свободной воли героев и жесткой внешней оболочки-формы» [15, с.192]. Иными

словами, персонажи, не чувствуя соответствия между своим внутренним миром и тем, как они воспринимаются обществом, испытывают крайний дискомфорт, выливающийся в несоответствие слов, которые они произносят, с самими героями, а также с «жизненным контекстом», в котором произносятся эти слова. Речь здесь не является результатом мысленной деятельности говорящего, а скорее отражает «нечто постороннее ему самому, лишенное творческой и коммуникативной составляющей» [15, с.192]. В «Двенадцати стульях» И. Ильфа и Е. Петрова герои, пытаясь произнести речь, внезапно, к своему удивлению, начинают вести разговор о международном положении, что не имеет под собой никакого основания, так как они присутствуют на открытии трамвайной линии. То же отчуждение от реальности можно заметить в речи Васисуалия Лоханкина из «Золотого тельца». Как отмечает Ю.В. Подковырнин, данный персонаж в определенных моменты начинает говорить ямбом, хотя не писал и не читал стихов [15, с.192]. Такое несоответствие речи героя как с его внутренним миром, так и с внешней обстановкой, безусловно, вызывает комический эффект, однако, в то же время, является характерной особенностью, позволяющей глубже понять парадоксальность существования маргинального персонажа.

Другой отличительной особенностью речи маргинального героя является превалирование в ней просторечной и обценной лексики. Здесь стоит отметить, что не все персонажи могут обладать таким свойством речи – как мы уже упоминали, в зависимости от уровня полученного образования, культурной и возрастной принадлежности, а также множества других индивидуальных факторов, некоторые маргинальные персонажи не испытывают необходимости выражаться с помощью простонародной лексики и мата. Однако в случае «люмпенизированного маргинала», процент героев, использующих такие средства в своей речи, весьма велик.

Ярким примером использования просторечной и жаргонной лексики является произведение В. Ерофеева «Москва – Петушки». В данной поэме автор использует подобную лексику для того, чтобы передать местный колорит речи героев, а также чтобы показать отношение говорящего к предмету его речи. «Эта женщина, эта рыжая стервоза — не женщина, а волхование! Вы спросите: да где ты, Веничка, ее откопал, и откуда она взялась, эта рыжая сука? И может ли в Петушках быть что-нибудь путное?» [8]. Использование слов «стервоза», «сука» подчеркивает неприязнь героя по

отношению к женщине. Помимо этого, мы считаем, что такая лексика способна охарактеризовать самого говорящего, так как obscene и простонародная лексика обладают особой, отрицательной коннотацией. Использование такой речи персонажем предполагает его низкий социальный статус, а также психологическую неудовлетворенность. Кроме того, С. Амур акцентирует внимание на том факте, что многие слова, литературные в своем прямом значении, используются в контексте поэмы фигурально, приобретая свойства жаргонной лексики [1, с.95]. «Итак, «сучий потрох» подан на стол. Пейте его с появлением первой звезды, большими глотками. Уже после двух бокалов этого коктейля человек становится настолько одухотворенным, что можно подойти и целых полчаса с полутора метров плевать ему в харю, и он ничего тебе не скажет» [8]. В данном отрывке кавычками выделено название напитка, мы можем догадаться об этом по контексту, однако первоначальное значение этой фразы, разумеется, предполагает совсем другое осмысление. Вдобавок, использование слова «харя», подразумевающее в первоначальном своем значении святочную маску, используемую в древней Руси, обозначает лицо человека, потерявшего всякий человеческий облик.

Подводя итог вышесказанному, можно заключить, что описание речи героя необходимо для создания его полноценного образа. Речевая характеристика персонажа способна стать зеркалом его личности, а также культурных, географических и социальных предпосылок его возникновения. В случае маргинального героя можно выделить ряд особенностей, присутствующих в речи большинства персонажей такого типа. Их речь зачастую отчуждена от реальности и самого героя, изобилует простонародной и жаргонной, даже obscene лексикой. Помимо этого, большинство писателей такого жанра используют формат автобиографии, позволяя своему герою говорить за себя.

Таким образом, мы выяснили, что феномен маргинальности многогранен и сложен, что затрудняет процесс дефиниции понятия «маргинальная личность» и, соответственно, понятия «маргинальный персонаж». Тем не менее, мы считаем, что маргинальный персонаж – это носитель черт маргинальной личности, изображаемый в художественных произведениях. Среди таких черт, присущих большинству героев данного типа, можно выделить особенности внешности (подчеркнутая необычность облика, неопрятность или

отсутствие описания внешности героя), особенности психологии и поведения (повышенная способность к самосознанию, вследствие чего – нервозность и неуверенность, чувство безысходности, а также асоциальное поведение) и особенности речи (превалирование простонародной речи, широкое использование субстандартных единиц, отчужденность речи от героя). Данные черты характерны для общего типа маргинальных персонажей, однако они также зависят от индивидуальных качеств определенного героя.

2 Специфика речи маргинальных персонажей в произведениях И. Уэлша “Trainspotting”, “Filth”

Разговорная речь в художественных произведениях является широким полем для исследований в современной филологии. Как отмечает Н.В. Рыжова, с половины прошлого столетия разговорная речь как стиль литературного языка стала исследоваться шире, и именно речь персонажей художественных произведений послужила примером для иллюстрации данного явления, отразив все разнообразие повседневной диалогической речи [20, с.29].

Исследователь также подчеркивает, что автор произведения, включающий в повествование элементы разговорной речи, проводит серьезную работу над подбором и обработкой необходимого языкового материала. Каждый писатель отбирает этот материал, руководствуясь целью достижения требуемого эффекта и его сочетаемость с функциями той или иной единицы [20, с.31].

Однако несмотря на то, что автор использует в своем произведении общеизвестные единицы разговорной речи, он, модифицирует каждую из них под контекст произведения и личность персонажа. Это придает используемым языковым элементам дополнительную коннотацию, помогая отразить некоторые аспекты произведения, такие как определенные черты характера героя, его социальный статус, его отношения с окружающими людьми, место действия произведения и др.

Поэтому стоит отметить, что несмотря на то, что отображение разговорной речи маргинальных героев в художественных произведениях во многом схоже с отражением любой другой разговорной речи, она имеет ряд особенностей, присущих только ей. В процессе нашей работы мы выявили фонетические, лексические и синтаксические особенности, а также описали прагматическую обусловленность речи маргинальных персонажей.

2.1 Фонетические особенности

С точки зрения фонетики, речь маргиналов нельзя назвать нормативной. Зачастую она не соответствует традиционным произносительным нормам языка, а использование различных диалектов и акцентов в ней более распространено, чем в обычной разговорной речи.

Так, персонажи романа И. Уэлша «Trainspotting» проживают в Шотландии, что объясняет наличие у них сильного шотландского акцента. «*Ah've been oan the peeve fir a couple ay days, mate. Ah'm gaun fuckin radge wi the runs here. Ah need tae shite. It looks fuckin awfay in thair, but it's either that or ma fuckin keks. Ah've nae shit oan us. Ah'm fuckin bad enough wi the bevvy, nivir mind anything else*» [30, с.25]. Как можно заметить из данного примера, для более точной передачи акцента персонажа автор использует графон, нарушая правильное написание слов и подчеркивая их аутентичное произнесение персонажем. Так, местоимение «I» больше не произносится как дифтонг [aɪ], он заменяется на звук [ɑ:], что на письме автор отражает в виде буквосочетания «ah», а предлог «for» теперь звучит как «fir». Частица «to» также претерпевает изменения, и вместо звука [u:] приобретает гласный звук [ə], что отображается в новом написании слова («tae»).

«*Course she is. She's telt us tons ay times. She's eywis oan aboot ye. It's Mark this, Mark that*» [30, с.11]. Данная цитата также может послужить ярким примером обладания шотландского акцента у персонажа. Так, дифтонги в шотландском диалекте зачастую сокращаются до долгого гласного звука. Именно поэтому в слове «about» звук [au], выраженный буквосочетанием «ou», заменяется на удвоенную «o», что читается как долгий звук [u]. Помимо этого, краткий звук [ɔ] в слове «on» заменен на долгий [ɔ:], что также отражено в его написании (вместо «on» – «oan»). Как отмечает К.С. Куликова, в шотландском диалекте английского языка не существует оппозиций долгих и кратких гласных звуков, поэтому в разговорной речи замена одного звука другим вполне возможна [12, с.129].

«*Dinnae git aw serious oan us. Ah'm only fuckin jokin boys. Ye think thit the White Swan wid hud oot oan his muckers? Oan yis go ma men. Yir wise men. Hygiene's important*» [30, с.10]. В приведенном примере особо заметно отсутствие окончания «ing» в словах «fuckin» и «jokin». Однако данная особенность произношения относится не только к фонетике шотландского диалекта, она также характерна для большей части молодежной речи современного английского языка. Что касается замены звуков [ɔ], [æ], [u] в односложных словах «got», «that», «would» на краткую [ɪ], то это является еще одной из отличительных особенностей шотландского акцента.

Помимо наличия акцента, речь маргинальных персонажей зачастую весьма лаконична и тороплива, что обуславливается

весьма трудными социальными условиями их жизни, а также наличием психологических проблем. В данном случае, чтобы ускорить свою речь, многие люди пользуются сокращениями и искажают свою речь так, чтобы она была более емкой. На это указывает общий контекст произведения, а также психологические особенности маргинальных персонажей, рассмотренные выше (нервозность, легковозбудимость).

К примеру, в романе И. Уэлша «FIlth» присутствует такая фраза: «You can kiss *ma* bacon-flavoured *po-leese* ass *muthafuckah*» [29, с. 16]. В быстрой разговорной речи звуки [aɪ], [ə] могут заменяться на звук [ɑ:], который И. Уэлш передает буквами «а», «ah». Такое, по сути, искажение правильного написания слова помогает создать атмосферу живого общения и торопливости речи героя.

«*C'mon* mate... you cannae just go...» [29, с.113]. В приведенном примере автор так же стремится подчеркнуть беглость и лаконичность речи героя, для чего использует сокращенную форму фразы «come on» – «c'mon». В то же время, искажение слова «cannot» отражает наличие у героя шотландского акцента.

«Ah wis fucked man. *Ootay* ma box. Ah couldnae huv goat a stiff neck *wi* a doorstep as a *pillay*. Ah cannae remember the last time ah hud a ride. Ma explanation convinces them. They ken how long ah've been using heavily and what that kin mean in the shagging stakes» [30, с.54]. В данной цитате, помимо уже рассмотренных особенностей искажения орфографической формы слов, стоит отметить отсутствие окончания у предлога «with», что, скорее всего тоже является следствием желания сделать речь персонажа более емкой. Однако изменение окончания слова «pillow» на «pillay» связано с акцентом героя. Интересно также использование слова «ootay», которое, насколько мы можем судить по контексту, является деформированной версией фразы «out of». В данном выражении произошли не только замена звуков ([au] на [u], [ɔ] на [eɪ]) и исчезновение звука [v], но и слияние двух лексических единиц в одну. Таким образом, использование данного слова обуславливается обеими вышеуказанными причинами.

Помимо выражения быстроты речи, намеренное изменение формы слова помогает передать эмоциональное состояние персонажа. Так, в уже приведенной цитате («You can kiss *ma* bacon-flavoured *po-leese* ass *muthafuckah*» [29, с.16]), автор пишет слово «police», разделяя его с помощью дефиса по слогам, которые, в свою очередь, представляют транскрипцию

данного слова. Этот уникальный метод, несомненно, привлекает внимание читателя, но также и подчеркивает эмоциональность героя в момент разговора. К примеру, в данной ситуации говорящий очень раздражен.

Таким образом, речь маргинальных персонажей в художественных произведениях обладает своими уникальными фонетическими особенностями. Проанализировав текст романов И. Уэлша, мы выделили среди них:

- 1) наличие акцента;
- 2) искажение формы слов.

Феномен намеренного изменения слов в речи маргинальных героев, на наш взгляд, обусловлен потребностью в ее лаконичности, емкости, а также эмоциональным состоянием говорящего. Помимо этого, особое влияние на данный аспект речи оказывает ее неформальный характер. Что касается акцента, то его наличие, безусловно, можно объяснить принадлежностью персонажа к какой-либо культуре (в данном случае – к шотландской).

2.2 Лексические особенности

Говоря об особенностях речи маргинальных героев, первым что приходит на ум, является, безусловно, именно ее лексический аспект. Речь таких персонажей весьма яркая и эмоциональная, что отражается в выборе слов и выражений, используемых ими. Стоит также подчеркнуть, что маргинальные личности – это личности, отвергнутые социумом или находящиеся на его грани, поэтому нормы языка данного общества ими зачастую игнорируются. Этот аспект оказывает большое влияние именно на специфику употребляемой маргиналами лексики.

Так, одной из главных лексических особенностей речи маргинальных героев, на наш взгляд, является обилие в ней субстандартных единиц. Субстандарт, по словам Е.Н. Калугиной, это «гетерогенный языковой континуум, характеризующийся ненормативностью, устной формой бытования, манифестацией субкультурных ценностей, нечеткими границами между его разновидностями, лексическим уровнем существования» [10, с.267]. Такое определение данного феномена объясняет широкое использование элементов субстандартных языков в речи маргинальных персонажей, т.к. именно нестандартность существования этих элементов отлично сочетается с нестандартностью феномена существования таких личностей.

В современной лингвистике до сих пор не существует единого мнения по поводу классификации и определения разновидностей субстандарта; однако большинство ученых склоняется к тому, что субстандартными языками стоит называть сленг, жаргон и обсценную (вульгарную) лексику.

Как мы уже отметили, маргинальные персонажи используют субстандартные лексические единицы в своей речи очень часто. Так, в следующей цитате из романа «Trainspotting», герой употребляет обсценизмы «wank», «cunt» и «fuckin», причем последний – дважды. «If ye did gie us a kickin, ye'd be daein me a favour. Ah'd jist huv a *wank* aboot it later on. We University drop-oot smart *cunt junkies* are *kinky* that wey. Cause that's aw you're worth, ya *fuckin* trash. Yir also takin a wee bit for granted. Ye want tae go outside, just say the *fuckin* word» [30, с. 217]. Кроме того, выражения «kinky» и «junkies» тоже являются элементами субстандарта, они относятся к сленгу.

Широкое употребление субстандартной лексики в речи героев имеет свои функции, среди которых Е.М. Хакимова выделяет игровую, отражающую эмоциональный настрой говорящего, депрециативную, подчеркивающую противостояние общепринятому языку и репрезентативную, целью которой является подчеркнуть принадлежность героя к какой-либо группе [22, с.28-29].

«The *fuckin* trouble is, aw they *cunts* thit uv booked seats. It's no sae bad bookin fae Edinburgh tae London, capital *fuckin* cities n that, bit it's aw they *cunts* thit've booked fae Berwick n aw they *fuckin* places. The train shouldnae stoap n aw they places; it should jist be Edinburgh tae London, end ay *fuckin* story. If ah hud ma *fuckin* wey, that wid be it, ah kin *fuckin* tell ye. Some *cunts* ur lookin at us. Ah speak ma *fuckin* mind, whitivir any *cunt* sais» [30, с.114]. Данный пример хорошо иллюстрирует вышесказанное, а именно тот факт, что обилие субстандартных элементов помогает ярко отразить эмоциональное состояние героя. Как видно из приведенного высказывания, его автор весьма расстроен. Это подчеркнуто обсценизмами, среди которых формы слова «fuck» употребляются 7 раз, а «cunt» – 4 раза.

«Yuv done it mate. That's you goat the set now. *Dope, acid, speed, E, mushies, nembies, vallies, smack*, the *fuckin* lot. Knock it oan the heid. Make that the first n last time» [30, с.91]. Приведенный отрывок является отличной иллюстрацией использования жаргона в речи маргиналов. В третьем предложении говорящий, называя наркотические вещества не общепринятыми выражениями, а их жаргонными названиями,

определяет себя как человека, находящегося в маргинальной сфере. Таким образом, данные выражения также выполняют репрезентативную функцию, подчеркивая связь героя с его собеседниками.

«Right *doll*, stop *fuckin* about, c'moan: *cock* it or block it. That's the options» [29, с.148]. Использование вульгаризмов «*fuckin*» и «*cock*» в данном контексте отражает негативное отношение персонажа к собеседнику, его стремление унижить его. Также привлекает внимание непривычное использование слова «*doll*». Оно, будучи по своей сути нейтральным, в контексте соседства с обценными выражениями, приобретает уничижительный характер и помогает подчеркнуть отношение говорящего к девушке.

«Back doon at *HQ* everyone in the canteen's *gaun fuckin spare* about the holiday memo. I say nothing. Best to play it cool and let their anger ferment a bit. Of course, they're all looking to me, as *Fed rep*, for a bit of leadership but I've got to *keep my nose clean* as there's the new *D.I. post* which is coming up soon in the *departmental reorganisation*. No way would I *put my neck on the line* for any spastic in this place, although I obviously keep them thinking otherwise» [29, с.21]. Приведенный отрывок является, по нашему мнению, особенно интересным и показательным, с точки зрения функционального аспекта субстандартной лексики. Профессиональные жаргонизмы («*HQ*», «*Fed rep*», «*D.I. post*», «*departamental reorganisation*»), отражающие принадлежность главного героя к полицейской структуре, контрастируют со сленговыми выражениями «*keep my nose clean*», «*put my neck on the line*», которые подчеркивают его неприязнь к своим коллегам. Негативные эмоции, испытываемые персонажем, усугубляются обценным выражением «*gaun fuckin spare*». Однако, что заслуживает особого внимания, так это тот факт, что контраст между одновременным выполнением и игровой, и репрезентативной функций обеспечивает выполнение и депрециативной функции, которая обнажает пренебрежение общепринятыми нормами – как языковых, так и моральных.

Помимо вышеописанных функций использования субстандарта в речи маргинальных героев, в контексте описываемого произведения еще одной причиной широкого употребления субстандартных единиц является национальный аспект существования данных маргинальных персонажей. И. Уэлш является современным автором, который, прожив большую часть своей жизни в Шотландии, отражает реалии жизни в родной стране в своих произведениях. Именно поэтому

его книги полны шотландских сленговых и жаргонных выражений, и даже обценизмов.

Так, в вышеупомянутой цитате («Dinnae git aw serious oan us. Ah'm only fuckin jokin boys. Ye think thit the White Swan wid hud oot oan his *muckers*? Oan yis go ma men. Yir wise men. Hygiene's important» [30, с.10]) персонаж использует слово «*muckers*», которое, является не только сленговым выражением, но и относится к шотландскому диалекту. Таким образом, автор не только подчеркивает неформальность речи героя, но и придает ей аутентичность, помогает читателю проникнуться атмосферой жизни шотландских маргиналов.

Того же эффекта писатель достигает, используя жаргонное выражение «*keks*» в следующей фразе: «Ah need tae shite. It looks fuckin awfay in thair, but it's either that or ma fuckin *keks*» [30, с.25]. Данное выражение обозначает нижнее белье в шотландском диалекте и встречается в тексте произведения весьма часто.

Помимо наличия большого количества субстандартных единиц в речи маргинальных персонажей, еще одной ее лексической характеристикой является сокращение слов. Исследуя фонетические особенности речи маргинальных персонажей, мы уже упоминали их стремление выразиться кратко и емко, вследствие чего многие слова претерпевают изменения, лишаясь окончаний и заменяя некоторые звуки. Однако мы полагаем, что эта особенность также относится к лексическому аспекту речи маргинальных личностей, так как во многих случаях слова претерпевают серьезные изменения, не столь связанные с их произношением, сколько с самой формой единицы.

«This fuckin stupid departmental reorganisation... Anyway, Personnel will be sending round a *memo*» [29, с.15]. Приведенный отрывок демонстрирует использование такого феномена – слово «*memo*» является сокращением от «*memorandum*» и очень часто используется в сфере бизнеса. Как и в случае с фонетическими искажениями, главной причиной искажения, сокращения слов является стремление сделать речь более лаконичной и беглой.

«I ken you're no officially on this investigation, but I think we should pay our pal Ocky a wee visit the *morn*. It being Friday, it would be nice to fuck up the cunt's weekend fine-style by getting him to keep his ears open on our behalf. You might get some info on the collies if we shake the fucker doon» [29, с. 77]. В данном примере персонаж сокращает слово «*morning*», превращая его в «*morn*». Приведенный отрывок также отражает еще одну

причину использования сокращенных вариантов слов – краткие формы общеизвестных понятий являются оптимальным средством показать близость между людьми, неформальность их общения.

Еще одной характерной особенностью лексической составляющей речи маргинальных персонажей в художественной литературе можно назвать использование междометий. Разговорная сущность данного вида речи, а также ее неформальность и ненормативность оказывают большое влияние на этот аспект.

Несмотря на то, что междометия зачастую описывают как не несущие в себе смысла частицы, их использование по мнению А.К. Шевцовой и В.В. Стамбровской, обуславливается рядом функций. Среди них исследователи выделяют:

- 1) привлечение внимания;
- 2) заполнение пауз;
- 3) выражение различных эмоций (как отрицательных, так и положительных) [24, с.98].

Так, во фразе «Fuck... some fucking life, *eh?* Somethin like this happens, what the fuck dae ye dae? *Eh?*» ([30, с. 52]) использование героем междометия «*eh*» три раза обусловлено, в первую очередь его эмоциональным состоянием – растерянностью. Помимо этого, герой подсознательно стремится заполнить тишину своим голосом и выразить сочувствие другу.

«Ah suppose man, ah'm too much ay a perfectionist, *ken?* It's *likesay*, if things go a bit dodgy, ah jist cannae be bothered, *y'know?* Ah git good vibes aboot this interview the day though man, *ken?*» [30, с.67]. Данный пример является отличной иллюстрацией употребления междометий в речи маргинального персонажа. Речь именно этого героя изобилует междометиями, которые также можно назвать его «словами-паразитами». Среди них наиболее популярными являются шотландские выражения «*likesay*» и «*ken*», а также их английский вариант «*y'know*» (сокращенная форма выражения «*you know*»). Мы полагаем, что их функцией является только заполнение пауз в разговоре, так как сам персонаж настолько к ним привык, что не отдает себе отчета в их произношении, соответственно, не способен использовать их для выражения своих эмоций или привлечения чьего-либо внимания.

«Fiona might blow the fuckin lot! She'll no ken it's oor dosh if nae cunt tells her. She'll be gaun through his fuckin things, n it'll be *aye, aye*, what's this? Nearly two grand» [30, с.102]. В данном примере, в отличие от предыдущего, использование

междометий обусловлено именно эмоциональностью персонажа. Междометие «ауе» (повторяемое дважды для усиления эффекта) в данном контексте отражает возможное удивление девушки от обнаружения такой большой суммы денег в своей квартире. Помимо этого, оно также выполняет функцию привлечения внимания, так как очевидно, что героиня потребует объяснения ситуации.

Междометие «hey» во фразе «The Rent Boyknocks it oaf! Hey! Ya fuckin cunt thit ye are!» [30, с.175] также обуславливается необходимостью персонажа привлечь внимание к своим словам. Однако контекст его использования также подразумевает наличие и эмоциональной функции, так как говорящий весьма разозлен и агрессивен.

Подводя итог вышесказанному, необходимо подчеркнуть, что лексический аспект является ключевым в описании речи маргинальных персонажей в художественных произведениях. Тремя основными лексическими особенностями речи маргинальных героев являются широкое использование субстандарта (жаргона, сленга, обценной лексики), лексических сокращений и междометий. Все эти аспекты обладают набором практически обусловленных функций, среди которых неформальность речи, отражение эмоционального состояния говорящего и его принадлежности к какой-либо группе (субкультуре или национальности) и другие.

2.3 Синтаксические черты

Синтаксическая составляющая речи маргинальных персонажей, как и другие аспекты любого вида речи, зависит от ее экстралингвистических особенностей. Тем не менее, мы полагаем, что именно в случае маргинальной речи особое влияние на ее синтаксическую структуру оказывают социальные и психологические факторы возникновения данного состояния.

Как уже упоминалось, ввиду своего пограничного положения в обществе, маргиналы намного более склонны к тревожности и сомнению в собственной ценности, чем другие группы. Постоянный стресс, чувство отчужденности и неизвестности, безусловно, оказывают отрицательное воздействие на психологическое состояние данных персонажей. Именно поэтому такая значительная часть жизни данных героев находит свое отражение в их стиле речи, влияя не только на выбор ими лексических единиц, но также и на структуру высказываний.

Такая зависимость синтаксиса речи маргинальных персонажей от их психологического состояния выражается, по большей степени, в сегментированности структуры фраз. Прерывистость речи на письме отмечена пунктуационными знаками, в основном точками и запятыми.

«Ah'm tellin ye, c'moan. Supposed tae be fuckin mates, ya cunt. Cook us up a shot. Ah kin fuckin handle it. One fuckin shot isnae gaunnae hurt us. C'moan» [30, 90]. В приведенном отрывке мы можем отметить, что фразы «Cook us up a shot» и «C'moan» выделены в отдельные высказывания, хотя могли бы являться частью структуры более сложного и развернутого предложения. Такое разделение более сложных фраз на мелкие, а также отделение слова «c'moan» (в первом предложении) производит эффект более эмоциональной и резкой речи. Персонаж стремится подчеркнуть необходимость и срочность своего требования, поэтому он использует короткие и емкие предложения.

Эмоциональность высказывания, переданная с помощью сегментации фразы, наблюдается и в следующем примере: «Naw ah'm no. It wis jist necessary, that's aw. The whole fucking thing» [30, с. 154]. Отделяя выражение «that's aw» от остального предложения, персонаж заостряет внимание слушающего на нем, уточняя, что он не считает совершенный поступок чем-то выдающимся. В то же время назывное предложение «The whole fucking thing» подчеркивает важность происшествия и выказывает отношение говорящего к ней.

«Yeah, right man. Durie. Ah remember that cat scorin a cracker against Celtic. Or wis it Rangers? Same thing really though man, when ye think about it likesay... kinday different sides ay the same coin, ken?» [30, с.122]. В данном фрагменте отрывистость речи, переданная с помощью выделения второй и четвертой фраз в самостоятельные предложения, вызвана не эмоциональным состоянием героя, а, скорее, разговорной сутью его речи. Здесь большее значение принимает неформальность речи героя, ее непринужденность. Таким образом, прием сегментированного высказывания подчеркивает спонтанность беседы и помогает создать эффект реального общения.

Такой же эффект создается и в следующем примере: «- Spud! Awright boss? How ye livin? - Peachy, catboy, peachy. Eh, yirsel likesay? - Cannae complain. How's yir Ma?» [30, с.124]. Мы видим, что диалогическая речь двух персонажей состоит из коротких предложений, такое построение их фраз передает атмосферу разговорной речи, ее неформальность.

Еще одной отличительной особенностью синтаксического строения речи маргинальных персонажей выступает частое использование эллиптических конструкций. Опущение одного или нескольких членов предложения характерно для всех видов разговорной речи, поэтому неудивительно, что речь маргиналов также им изобилует.

«Like fuck ah huv! It's jist fuckin water. Washin ma fuckin hands. No thit you'd fuckin ken aboot that, ya rid-heided cunt» [30, с.153] В данном примере в третьем предложении высказывания мы можем отметить эллипсис подлежащего и части сказуемого («washin» вместо «I am washing»). Л.Н. Козлова отмечает, что использование эллипсиса в речи зависит, по большей части, от ее контекста [11, с.111]. В данном случае, на наш взгляд, опущение главных членов предложения обусловлено разговорным характером речи и ее неофициальностью. Помимо этого, особое влияние также оказывает стремление сделать речь простой и беглой.

«C'moan now Lenny. Keep the heid. Nae cunt's saying nought against nae cunt. They boys ur awright. That's Danny Murphy. Harmless cunt. Tommy Laurence, you ken Tommy, n that guy Rab, Rab McLaughlin, used tae be a good fitba player. Man United he went doon tae. They boys ur sound. Fuck sakes, thir mates ay that mate ay yours, the boy thit works fir the dole» [30, с.101]. Приведенный отрывок также является хорошим примером, иллюстрирующим использование эллиптических конструкций в речи маргинальных персонажей. Наличие четырех односоставных предложений, среди которых три назывных («Harmless cunt», «Tommy Laurence», «n that guy Rab, Rab McLaughlin») и одно определено-личное («Keep the heid») помогает передать неформальную сущность речи говорящего.

Помимо сегментированности и эллиптичности, речь маргинальных героев также обладает большим количеством структурно незавершенных высказываний. Такой феномен зачастую называется усечением и способен на письме передать недосказанность фраз ввиду ряда причин. Ими могут стать как эмоциональное состояние героя, так и нежелание высказывать свое мнение или договаривать фразу до конца.

«Eh, likesay... eh... violence n that... isnae really ma sortay gig... ah'll jist stey n git bombed... likesay, ken?» [30, с.155]. В данном примере недосказанность выражена с помощью многоточий, что подчеркивает нерешительность персонажа. Боязнь высказать свое мнение против насилия над животным из-за возможного порицания со стороны друзей, а также

внутренний моральный конфликт от нежелания оставаться в стороне порождают феномен усечения фраз героя.

Эмоциональность героя также является причиной возникновения эллиптичности следующего высказывания: «Sorry, Danny... s only a squirrel. Sorry mate. Ah ken how ye feel aboot animals. Ah jist, like... ye ken whit ah mean Danny, it's like... fuck, ah mean, ah'm fucked up, Danny. Ah dinnae ken. Begbie n that... the gear. Ah dinnae ken what ah'm daein wi ma life... it's aw jist a mess, Danny. Ah dinnae ken whit the fuckin score is. Sorry man» [30, с. 161]. Здесь мы видим, что персонаж раскаивается в содеянном и осознает свою ошибку. Чувство стыда вызывает затрудненность речи, что на письме отражено с помощью использования многоточий.

«The bairn's away... the bairn's away... Dawn... oh my god... oh fuckin god...» [30, с.51]. Усечение высказываний героини здесь также продиктовано ее психологическим состоянием. Осознание смерти своего ребенка потрясает женщину, она неспособна выразить свой ужас в словах, что и обуславливает обрывистость ее фраз.

«Really sorry Les... naebody's fault though... cot death n that... wee Dawn... barry wee bairn... fuckin shame... fuckin sin man, ah'm tellin ye» [30, с.55]. Данная фраза взята из того же контекста, что и предыдущий пример. Здесь герой также высказывает свою реакцию на смерть ребенка, однако, в отличие от матери, персонаж старается совладать со своими эмоциями и успокоить ее. Усечение предложений в этом случае может быть также объяснено стремлением персонажа подобрать слова, которые утешат и подбодрят женщину.

Таким образом, речь маргинальных персонажей обладает рядом синтаксических особенностей, которые помогают передать не только способ произнесения той или иной фразы, но и подчеркнуть внутреннее состояние героя. Среди них можно выделить сегментированность и усечение высказываний, наличие эллиптических конструкций в предложениях. Они также помогают подчеркнуть неформальность речи, ее нестандартность.

2.4 Прагматическая направленность

Прагматика многими учеными рассматривается как отдельная дисциплина, однако в контексте нашего исследования мы пользуемся определением В.Н. Ярцевой, которая характеризует ее как «область исследований в

семиотике и языкознании, в которой изучается функционирование языковых знаков в речи» [25, с.389]. Другими словами, прагматика, в отличие от других лингвистических дисциплин, изучает не сколько язык высказываний, а сколько предпосылки его использования. Задача этой науки – связать форму речи с ее содержанием и обосновать причины ее появления.

В.Н. Ярцева также отмечает, что прагматика затрагивает ряд вопросов, связанных с различными аспектами общения. Именно поэтому ее изучают с различных точек зрения, среди которых можно выделить:

- 1) адресанта коммуникации;
- 2) адресата коммуникации;
- 3) взаимоотношения между участниками;
- 4) обстоятельства коммуникации [25, с.389].

Каждый из данных аспектов обладает рядом феноменов, изучаемых в процессе исследования прагматики речи. Так, в связи с говорящим изучаются цели высказывания, тип речевого поведения, правила разговора, смысл высказываний, отношение говорящего к предмету общения, его референция и прагматические пресуппозиции. Что касается слушающего, прагматика фокусирует свое внимание на интерпретации полученной информации, ее воздействия на адресата, а также типы реагирования на нее. Исследование взаимоотношений между участниками речевой ситуации показывает разнообразие форм общения, а также социально-этикетную сторону общения и распределение ролей участников во время их коммуникации. Аспект ситуации общения включает в себя интерпретацию дейктических знаков, а также зависимость речи от обстоятельств возникновения общения.

Во время изучения и описания языковых особенностей речи маргинальных персонажей, мы уже затронули прагматический аспект их возникновения. Однако в данном параграфе нашей целью является определить прагматическую направленность использования данных феноменов в конкретном контексте произведения, а также в их совокупности.

Так, в следующем примере из романа «Trainspotting» диалог происходит между двумя друзьями-маргиналами:

«- How did it go, Spud?

- Good, *catboy*, good. Possibly too good, likesay. Ah think the *dudes* might be gaunt ae offer us the job. Bad vibes. One thing, though, *man*, ye wir right aboot this speed. Ah never seem tae like, sell masel properly in interviews. Cool times, *compadre*, cool times.

- Let's huv a drink tae celebrate yir success. Fancy another *dab* at that speed?

- Wouldnae say naw man, would not say no, likes» [30, с.67].

Их близкое знакомство и, соответственно, неформальный тон общения отражены с помощью сленговых выражений «catboy», «man», «dudes», «cool times» и эллиптических конструкций. Жаргон «dab», подразумевающий дозу наркотика, указывает не только на уровень доверия между персонажами, но и на их принадлежность к одной социальной группе. Дружелюбный настрой героев также подчеркнут использованием фраз «catboy», «compadre» и «man».

«- Ricky...

- Awright Spud. Wha ye up tae?

- Eh, no much gaun doon ma end *catboy*. Ye see the whole *kit n caboodle, likesay*.

- Bad as that?

- Worse *catboy*, worse.

- Still oaf the *collies*?

- Four weeks n two days since ma last *bit* ay Salisbury Crag, *ken*? Countin every second man, countin every second. It's tick-tock, tick-tock, *likesay, ken*.

- Feelin better fir it?» [30, с.121]

В приведенном отрывке мы также можем отметить доброжелательную атмосферу общения двух героев. Она создается при помощи сленговых выражений «kit and caboodle» и «catboy». Односоставные предложения («Bad as that?», «Still oaf the collies?», «Feelin better fir it?») указывают на дружелюбие Рика и его беспокойство за здоровье знакомого. Жаргон «collies», обозначающий наркотики, а также «bit» (доза наркотиков) подчеркивают тот факт, что оба собеседника близко знакомы с данной темой. В этом примере и в примере выше персонаж Кочерыжка (Spud) использует в своей речи большое количество междометий («likesay», «ken», «likes»), которые характеризуют героя как человека нервного. Эти слова становятся отличительной чертой речи персонажа, а также его характера.

Менее приветливый настрой героев отображен в следующем фрагменте из того же произведения:

«- You shut yir *fuckin* mouth! *Fuckin* radge. Ah'll *fuckin* tell you whin tae speak. Just shut yir *fuckin* erse. You dinnae like the company, you kin git tae *fuck*. End ay the *fuckin* story.

- Nae offence *mate*...» [30, с.20]

Агрессивность одного из героев, Майка Форрестера, очевидна, так как он применяет обилие обсценизмов («erse» и

«fuck», которое встречается в разных формах шесть раз), а резкость и обрывистость его речи подчеркнута назывными предложениями (второе и шестое предложения) и восклицанием. В то же время, его собеседник Рентон не стремится вступать в конфронтацию, что выражается в его спокойном тоне, выраженном на письме многоточием, а также сленговым выражением «mate». Герой стремится успокоить разозленного Майка и показать, что находится с ним на одном уровне.

«That's now tae dae wi it! <...> He's goat *fuck* all tae dae wi whae gits that. You think Niddrie or any ay the *cunts* on the promotion board'll listen tae that tube? What does he ken? He kens *fuckin* nowt! Sum total: the big *fuckin* zero...» [29, с.32]. Еще одним примером грубой речи может послужить приведенная выше цитата главного героя романа «Filth» Брюса Робертсона. Стремясь подчинить себе своего коллегу и заставить его перенять свое мнение, он прибегает к использованию обсценной лексики («cunts», «fuckin»). Стоит также отметить, что в данном примере герой употребляет в своей речи риторический вопрос, на который тут же дает ответ. Такой метод зачастую используется для убеждения оппонента в своей правоте. Этот эффект подкрепляется последним предложением, которое состоит из двух назывных.

В следующем отрывке автор демонстрирует читателям другой подход Брюса к манипуляции людьми:

«- Listen Ray, I wanted to speak to you about something. I ken you're no officially on this investigation, but I think we should pay our *pal* Ocky a wee visit the *morn*. It being Friday, it would be nice to *fuck up* the *cunt's* weekend fine-style by getting him to keep his ears open on our behalf. You might get some *info* on the collies if we shake the *fucker* doon. Wi Christmas comin up they'll aw wanted sorted oot wi gear.

- The *spunk-bag's* been a bit remiss lately. Forgotten who his real mates are. His mates are on this side of the divide...» [29, с.77].

Используя меньшее количество вульгаризмов («fuck up», «cunt», «fucker») и направляя их в сторону предмета разговора, а не на слушающего, персонаж добивается доверительного отношения к себе. Он также употребляет в своей речи сленговое выражение «pal», однако, с ироничным подтекстом, и сокращения «info», «morn», что подчеркивает его дружественное отношение к собеседнику. Жаргон «collies» указывает на общую сферу деятельности героев – они оба полицейские. Его методы срабатывают, и Рэй отвечает Брюсу в

подобном же характере, применяя обценное выражение «sprunk-bag» в отношении человека, о котором они говорят, а также используя эллипсис в последнем предложении, что помогает придать его речи тон согласия.

«- Dinnae come in here n cause bother, pal. This isnae your local. Ah ken your faces. Yours ur mates wi that rid-heided *cunt* n that Williamson laddie, the one wi the ponytail. These *cunts* ur *fuckin* drug-dealin *scum*. We dinnae want that *fuckin* trash in here.

- We dinnae deal *fuckin* drugs, *pal* <...>

- *Aye*. No in this *fuckin* pub ye dinnae» [30, с.61].

В данном примере читатель может отметить обилие обценной лексики и негативно окрашенных слов («*scum*», «*trash*»), используемой для отражения негативного отношения к собеседнику, вперемешку со сленгом «*pal*», призванном выразить дружелюбие. Такой подбор лексического материала писателем оставляет странный эффект двойственности, т.е. контекст произведения не отражает явной вражды между героями, но, в то же время, не намекает на их близкие и теплые отношения. Поэтому междометие «*aye*» не добавляет созданной атмосфере эффекта доверия, но, наоборот, звучит угрожающе.

Подводя итог, стоит отметить, что любое речевое проявление является практически обоснованным и имеет ту или иную цель. Являясь одной из лингвистических дисциплин, прагматика ставит своей задачей изучить эту связь между формой высказывания и причинами его возникновения. Проанализировав произведения И. Уэлша на предмет практической обоснованности особенностей речи маргинальных персонажей, мы выяснили, что вышеописанные языковые характеристики данного вида речи имеют свои собственные функции в контексте произведения. С их помощью автор способен более ярко отразить некоторые личностные черты персонажей, их социальный статус, вид их взаимоотношений, позицию по поводу предмета разговора, подчеркнуть атмосферу разговорной ситуации и др. Интересен также тот факт, что одни и те же языковые особенности могут обуславливаться разными причинами использования в том или ином контексте.

Таким образом, проанализировав специфику отображения речи маргинальных персонажей на примере произведений Ирвина Уэлша, мы выявили, что, с точки зрения фонетики, речь такого типа героев подвержена различным искажениям в произношении, используемых для достижения беглости и

лаконичности высказываний. Помимо этого, большое значение приобретает употребление персонажами шотландского акцента, что обуславливается местом проживания героев, и что также помогает автору добавить локального колорита в атмосферу произведения. Лексическая составляющая речи маргинальных персонажей характеризуется широким использованием субстандартных элементов, междометий и сокращений. Данные особенности вызваны эмоциональным состоянием героев, характером их межличностных отношений, беглостью речи, а также стремлением привлечь внимание слушающего к предмету разговора. Синтаксис речи маргинальных персонажей предполагает наличие кратких, отрывистых, усеченных предложений, в которых зачастую отсутствуют те или иные члены предложения. Такая структура высказываний также обусловлена лаконичностью речи героев, а также их эмоциональным состоянием.

Заключение

Маргинальность является весьма сложным и многогранным понятием, затрагивающим культурный, социологический и психологический аспекты жизни человека. Маргинальные личности находятся на границе общества и собственного сознания, а их существование определяется чувством неизвестности и безысходности. Отсутствие уверенности в будущем, утрата прежних связей и положения, а также наличие различных проблем (финансовых, проблем с законом и др.) накладывают свой отпечаток на ментальное состояние таких людей, подчеркивая их непохожесть на других и увеличивая разрыв между ними.

Маргинальные же персонажи, будучи отражением маргинальных личностей в литературных произведениях, пользуются большой популярностью как в России, так и за рубежом. Многие писатели раскрывают проблему маргинальности в своих произведениях, наделяя персонажей теми или иными особенностями маргинальной личности.

В работе приведена классификация Е.С. Воробьевой, распределяющая маргинальных персонажей на 3 категории: героя-эмигранта, выражающего культурную маргинальность, героя-люмпена – носителя структурной маргинальности, героя-бунтаря, отражающего маргинальность социальной роли. Несмотря на то, что Е.С. Воробьева предложила данную классификацию для описания маргинальных персонажей в русской литературе, мы считаем, что она универсальна и подходит для англоязычной литературы.

В процессе нашего исследования мы выделили ряд особенностей, затрагивающих как внешний, так и внутренний мир героев. Так, внешность маргинальных персонажей зачастую является весьма необычной, даже экстравагантной. С помощью яркого образа автор будто бы подчеркивает непохожесть героя на остальных, усугубляет его маргинальность. Такой же эффект может быть достигнут при наделении персонажа такими чертами как неопрятность, неряшливость. Помимо этого, описание внешности героя может отсутствовать вовсе, что нередко в случае, когда автор выбирает автобиографическое повествование.

Поведение маргинального персонажа также зависит от его маргинальности, мы считаем, что именно поступки маргиналов наиболее тесно связаны с условиями существования этих героев. Так, маргинальные персонажи характеризуются

нервозностью, легковозбудимостью, отчетливо прослеживается склонность к антисоциальному поведению. Кроме того, некоторые герои этого типа избегают близкого общения с другими людьми, особенно с теми, кто не находится с ними на одном уровне.

Что касается речевых особенностей маргинальных персонажей, мы выявили широкое употребление субстандартных единиц, превалирование простонародного типа речи, а также окказиональные случаи отчужденности речи от самого героя.

Во второй главе мы подробно остановились на специфике речи маргинальных персонажей, так как именно этот аспект является предметом нашего исследования. Основываясь на материале текста произведений И. Уэлша «Trainspotting» и «Filth», мы выделили фонетические, лексические и синтаксические черты речи маргинальных героев, а также их прагматическую обусловленность.

Так, фонетическая составляющая такой речи характеризуется наличием акцента, зависящим от национальной и географической принадлежности героев, и искажения произношения некоторых слов, что, по нашему мнению, определяется стремлением персонажа сделать свою речь более беглой.

Лексический аспект речи маргинальных персонажей включает в себя наличие субстандартной лексики, междометий и лексических сокращений. Использование субстандарта в речи обуславливается принадлежностью персонажа к определенному социальному слою/субкультуре, его возрастом, эмоциональным состоянием. Сокращения используются для придания речи емкости, а также для сближения с другими людьми. Междометия призваны отразить эмоциональное состояние героя, а также привлечь внимание к тому, о чем он говорит.

Особенности синтаксиса речи маргинальных героев (эллиптичность, усеченность, сегментированность высказываний) вызваны эмоциональностью героев и стремлению к беглости их речи.

Таким образом, маргинальный персонаж, являясь литературным образом человека, находящегося на границе общества и/или собственного сознания, обладает уникальными чертами внешности, поведения и, в особенности, речи. Все эти особенности помогают создать образ человека, оказавшегося в трудной жизненной ситуации, а также подчеркивают его маргинальность.

Стоит также отметить, что, на наш взгляд, речевая составляющая образа маргинального персонажа изучена недостаточно глубоко. Мы полагаем, что она представляет широкое поле для дальнейших исследований.

Список использованных источников

- 1 Амур, С. Анализ просторечной лексики в поэме В. Ерофеева «Москва-Петушки» / С. Амур // Вестник РУДН. – 2012. – №2. – С. 93-97.
- 2 Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – Москва : Искусство, 1986. – 445 с.
- 3 Бевзенко, Л.Д. Маргинализация в переходном обществе. Связь с социальным успехом / Л.Д. Бевзенко // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2010. – № 3. – С. 170-173.
- 4 Воробьева, Е.С. Маргинальный герой в русской прозе последней трети XX - начала XXI века: авт. дис. фил. наук : защищен 10.01.01 / Е.С Воробьева. – Архангельск, 2015. – 18 с.
- 5 Воробьева, Е.С. Маргинальный герой в русской прозе последней трети XX - начала XXI века / Е.С. Воробьева // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. – 2015. – №5. – С. 91-98.
- 6 Гурин, С.П. Маргинальная антропология [Электронный ресурс] / С.П. Гурин. — Режим доступа : <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000963/st000.shtml> – 05.11.19.
- 7 Ермолова, О.Б. «Один речевой день» говорящего с точки зрения прагматики / О.Б. Ермолова // Вестник Пермского университета. – 2014. – №3. – С.21-30.
- 8 Ерофеев, В. Москва - Петушки [Электронный ресурс] / В. Ерофеев. – Москва : Азбука, 2015. – Режим доступа : <https://www.litmir.me/br/?b=58965&p=1> – 09.11.19.
- 9 Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс] / Т.Ф. Ефремов. – Москва : Русский язык, 2000. – Режим доступа: <https://www.efremova.info/> – 07.11.19.
- 10 Калугина, Е.Н. Понятийно-теоретический аспект исследования языкового субстандарта / Е.Н. Калугина // Научный диалог. – 2013. – № 5. – С.261-269.
- 11 Козлова, Л.Н. Синтаксические средства создания разговорности (на материале произведений Л. Улицкой) / Л.Н. Козлова // Развитие и функционирование русского языка. – 2009. – №2. – С.110-113.
- 12 Куликова, К.С. Фонетические процессы в стандартном шотландском варианте английского языка / К.С. Куликова // Вестник МГЛУ. – 2015. – №1. – С.123-134.

13 Осипов, Г.В. Социологический словарь / Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. – Москва : Норма, 2008. – 608 с.

14 Пирогов, С.В. Макросоциология. Курс лекций [Электронный ресурс] / С.В. Пирогов. – Режим доступа : <https://studfile.net/preview/4271895/> – 06.11.2019.

15 Подковырнин, Ю.А. Внешность героев в романах И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» / Ю.А. Подковырнин // Новый филологический вестник. – 2007. – № 1. – С. 190-199.

16 Пономарева, Т.А. Маргинальный герой в прозе Р. Сенчина / Т.А. Пономарева // Вестник РУДН. – 2017. – №2 – С. 274-281.

17 Попова, И.П. Новые маргинальные группы в российском обществе (теоретические аспекты исследования) / И.П. Попова // Социологические исследования. – 1999. – №7 – С. 62-71.

18 Романов, И.А. Поэтика транзита в русской литературе конца XX - начала XXI вв. / И.А. Романов // Гуманитарный вектор. – 2011. – № 4. – С. 148-154.

19 Русова, Н.Ю. Терминологический словарь-тезаурус по литературоведению. От аллегии до ямба [Электронный ресурс] / Н.Ю. Русова. – Москва : Флинта, 2004. – Режим доступа : <https://rus-literaturologiya.slovaronline.com/> – 13.12.2019.

20 Рыжова, Н.В. Изучение разговорной речи как особой разновидности языка художественной литературы / Н.В. Рыжова // Вестник РУДН. – 2003. – №1. – С.29-34.

21 Сайнаков, Н.А. Маргинальность как понятие. Методологические перспективы в историческом исследовании / Н.А. Сайнаков // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – №375 – С.97-101.

22 Хакимова, Е.М. Лексический субстандарт в функциональном аспекте / Е.М. Хакимова // Вестник ЮУрГУ. – 2012. – №25. – С.86-92.

23 Честнова, Н.Ю. Литературный слог как черта речевого портрета подпольного парадоксалиста (Достоевский «Записки из подполья») / Н.Ю. Честнова // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова – 2009. – № 4. – С. 64-67.

24 Шевцова, А.К. Прагматические особенности междометий в английском языке / А.К. Шевцова, В.В. Стамбровская // Актуальные проблемы преподавания иностранных языков в высшей школе Республики Беларусь. – 2015. – С.96-100.

25 Ярцева, В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – Москва : Большая Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.

26 Маргинальность в современной России [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Margin/_01.php – 13.12.2019.

27 Brombert, V. In Praise of Antiheroes: Figures and Themes in Modern European Literature, 1830-1980 / V. Brombert. – London : The University of Chicago Press, Ltd. – 1999. – 178 p.

28 Riesman, D. Some Observations Concerning Marginality / D. Riesman // Phylon – 1951. – №2. – pp.113-127.

29 Welsh, I. Filth / I. Welsh. – London : Vintage, 2013. – 398 p.

30 Welsh, I. Trainspotting / I. Welsh. – New York : W.W. Norton & Company, Inc., 1996. – 352 p.